

АЛЕКСАНДР РЕВИЧ

А в небе ангелы летят

Военные стихи и поэмы

 ЭТЕРНА
2013

УДК 82-1
ББК 83-5*84
Р32

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 года)»

В книге использованы фотографии корреспондентов военных лет

Ревич А.М.

Р32 А в небе ангелы летя: Военные стихи и поэмы. // Составитель Г. Климова. – М.: Этерна, 2013. – 480 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00313-0

У Александра Ревича была своя война и своя правда об этой войне. Смертельная схватка завязалась не только с внешним врагом – с мировым фашизмом, затоптавшим Европу и дошедшим до Сталинграда. Ему, почти мальчишке, лихому огольцу, выпала страшная участь: с первых же дней войны сражаться еще и с врагом внутренним – со своими, с жестокой машиной власти, не прощавшей плена и не считавшей побег за отвагу, за доказательство любви и верности родине. Власть расценивала это сурово: предательство, измена, позор. А за такое – расстрел. Однако Ревичу выпал единственный шанс – штрафбат. И он выжил. Он спасся!

Война – точка кипения многих миллионов ровесников и соратников Александра Ревича, пережившего этот кошмар, чтобы честно о нем написать. Особенно требовал, чтобы честно. Без фанфар, без барабанного боя или фальшивой слезы. Это был не только этический, но и художественный принцип.

УДК 82-1
ББК 83-5*84

ISBN 978-5-480-00313-0

© А.М. Ревич, 2013
© Г. Климова, составление, послесловие, 2013
© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2013

*Кто знает, в каком ещё томе
затеряна правда войны?*

Александр Ревич

Я родился в 1921 году в Ростове-на-Дону. Когда началась война, я уже служил в армии. 10 июня 1941 года окончил Орджоникидзевское пограничное училище в звании лейтенанта, а 21 июня 1941 года был откомандирован в Одессу к своей воинской части, рядом с советско-румынской границей. Находясь в увольнении, мы с несколькими командирами Красной армии немного выпили. Утро следующего дня – воскресное утро – было замечательным, тёплым и солнечным. А в полдень мы услышали речь Молотова, сообщившего, что на рассвете немцы бомбили Ленинград, Севастополь, Киев и Одессу... Началась война.

Я не любил говорить о войне, хотя о войне мной написано немало. Кроме того, рассказы о войне, особенно в пьяной компании, часто напоминают

«охотничьи» и «рыбацкие» байки: «Вот та-акую щуку поймал!» Стыдно бывает не только говорить, но и слушать такое.

И всё же, несмотря на мою нелюбовь к подобным байкам, по окончании войны я рассказал моему, ныне покойному, другу, русскому и украинскому поэту Павлу Панченко о том, как воевал. Рассказал скупно, почти протокольно, как при допросе в Особом отделе Южного фронта.

Кавалерийская часть Одесского военного округа, где мы служили, в первых же боях лишилась практически всех коней. Что касается бойцов, то в нашем полку была не только молодежь, но и много взрослых мужиков, призванных из запаса.

В начале войны мы вынуждены были отступать. Мне приходилось наблюдать панику во время отступления, которое официально называлось «планомерным отходом», а по-нашему – «драпом», когда воинская часть превращалась в неуправляемую тол-

пу и когда, потеряв всякую надежду, небольшая группа солдат отстреливалась до последнего патрона.

Мой приятель-фронтовик, попавший на фронт в 1942 году, однажды сказал: «Представляю, каково было вам воевать в 41-м...»

Любая страна, любая армия при таком разгроме, какой мы пережили летом 41-го, не могла бы выстоять против гитлеровской военной машины. Примером тому – Франция. Мы одолели эту силу за счет огромной территории и людских резервов, жертвуя миллионами жизней.

Я и сегодня удивляюсь, как вообще могли воевать, ведь мы были совершенно не готовы. Те, кто заявляет, что Сталин планировал напасть на Германию, – отъявленные лжецы: у нас не было необходимого вооружения, чтобы вести эффективный бой. Нам не хватало очень многого!

8 августа я получил приказ от командира: взять взвод разведки и выяснить, где находятся немецкие войска. Наша

часть в это время отступала в районе между Николаевом и Березовкой. Неожиданно мы напоролись на немецкую танковую колонну и попали в «котёл». Всё произошло так внезапно, что последнее, что помню, – орудие одного из танков, нацеленное прямо на нас. И всё. Затем – провал. Это был мой первый бой: кавалерия против немецких танков.

Когда очнулся, меня уже окружили немецкие мотоциклисты. Они собрали всех, кто мог идти, отделив командиров от красноармейцев. Нас пригнали на вокзал в Тирасполе, откуда поездом должны были увезти в Румынию. К счастью, поезд охраняли румыны, а не немцы, и это дало нам шанс на побег. Вагоны были товарные, без крыши. Мы договорились бежать ночью, а утром я нашел только одного моего товарища – Валентина Лихачева, военного инженера 3-го ранга. Что стало с остальными, не знаю. Следующую ночь в прифронтовой полосе мы с ним переждали в кукурузном поле, а утром

двинулись к своим. Подкрались днём к стоящей на отшибе хате и постучали в дверь. Вышла девушка, красивая украинка, которая, увидев нас в форме командиров РККА, всплеснула руками: «Вы что, с ума сошли? Немцы кругом!» Однако в дом впустила, накормила и даже дала кое-какую крестьянскую одежонку, лапти лыковые и старые картузы. Мы поскорей ушли, чтобы не подвергать риску нашу смелую хозяйку. Пробираясь от села к селу, где было возможно, представлялись сезонными работниками и помогали по хозяйству, а нас за это кормили и давали что-то съестное с собой. Так почти дошли до Азовского моря.

Но однажды, ранним туманным утром, нас все-таки задержали немецкие полевые жандармы. Бежать было некуда. В тот день в посёлке, где мы шли по улице, задерживали всех подозрительных бродяг.

Это было в ноябре 1941-го, неподалёку от Таганрога. Зима выдалась ранняя. Уже выпал снег, и холода стояли

нестерпимые: вроде бы юг, Приазовье, но температура ниже десяти градусов мороза, но – открытая равнина, ураганный степной ветер да и одёжка не по сезону. Нас погнали куда-то вперёд, и уже в полдень мы оказались в немецком лагере: аккуратный квадратный километр заснеженного поля, обнесённый колючей проволокой в три кола, и ни одного строения в этом квадрате, только угловая деревянная вышка с часовыми и с пулемётом. За проволокой топтались на холоду несколько тысяч задержанных. Едва держась на ногах, прижимаясь друг к другу, чтобы хоть как-то согреться, рассказывали для куража скабрёзные анекдоты и байки, смеялись. Из обрывков газеты и ваты, выдранной из рваных телогреек, скручивали что-то вроде сигарок и втягивали в себя едучий дым. И ждали... неизвестно чего. В этом лагере не давали никакой еды. Чем скорей подохнешь, тем лучше. Позже я узнал, что были у немцев такие лагеря – «голодные». Там, случалось, пленные ели

друг друга. Эти несколько дней и ночей голодного и бессонного топтания на снегу закончились немыслимым везением. Нам двоим – мне и Валентину Лихачеву – удалось бежать из лагеря на открытой равнине, средь бела дня. В такое невозможно поверить. Раз в день, на рассвете, группу пленных выгоняли на дорожные работы. Где-то поблизости строили мост. Отбирали несколько сотен доходяг из тех, кто успевал пробиться в строй. Остальных отсекали пулеметной очередью. Люди рвались в колонну: ещё бы, там, на работах, местным крестьянам разрешалось бросать пленным куски хлеба или ещё какую-то еду. После двух неудачных попыток нам удалось пристроиться к рабочей колонне, а при выходе из лагерных ворот, ничего не соображая, я вцепился в рукав Валентина, выволок его из строя и – дальше, за кусты, росшие вдоль лагерной ограды. Потом мы прыгнули в ров и прятались там до темноты, а глубокой ночью ушли подалее от лагеря. На волю. До сих пор

не могу объяснить, почему именно я решился на такое, ведь Лихачев был лет на десять старше меня.

Есть во мне чувство, что кто-то вёл меня. Странно ещё и то, что наш побег на глазах у всей колонны не вызвал никакой реакции. Конвоя поблизости не оказалось, а пленные, отрешённые и оцепеневшие, брели, видимо, ничего не понимая.

В тот миг впервые пришла мысль о Боге. В смертельно опасных случаях всё время что-то меня берегло. Чья-то невидимая рука...

Я прошёл 12 километров по льду Азовского моря, перешёл линию фронта. Крику: «Стой! Кто идёт??» я обрадовался: наконец вышел к своим! И тотчас попал в руки следователя НКВД!

До мая сидел в Ворошиловградской тюрьме. Меня допрашивали, будили ночью, вели на допрос и, чтобы выбить признания, не давали спать. Со мной в камере сидел уголовник, который всю ночь точил самодельный нож, приго-

варивая: «А ночью я кого-нибудь зарежу...»

Следователь – молодой здоровенный лейтенант НКВД – был начисто лишён всякого чувства сострадания и жалости. Он не бил подследственных, но оказывал постоянное психологическое давление. Однажды дал какую-то бумагу и сказал: «Подписывай, это твоё заявление».

В документе – ни одного моего слова, всё полностью сфабриковано! Я категорически отказался подписать, и тогда он стал меня избивать резиновой дубинкой. Её удары значительно больней, чем деревянной. Я схватил с письменного стола чернильницу и метнул ему в лицо. Что было дальше, не помню. Очнулся уже в камере. Ждал расстрела. Приговор: три месяца отсидки, месяц на формирование штрафбата – это приравнивалось к высшей мере (вместо «десятки» давали 2 месяца).

Самым страшным было ощущение несправедливости. За что???

Многие годы я не в силах был писать о штрафном батальоне и никому об этом не рассказывал. Стыдно было. И только теперь, прожив восемь десятков лет, я рискнул написать «Поэму дороги», где и плен, и штрафбат, и судьба отца, ушедшего с Первой мировой в Добровольческую армию, где стал казачьим капельмейстером... И та же дорога, те же станицы, как у отца двадцать лет назад, когда он «нищевродом» возвращался с Кубани домой, в Ростов.

Штрафные батальоны появились согласно приказу № 227 наркома обороны Сталина летом 1942 года, когда действующая армия была практически разгромлена, когда мы все время отступали, а немцы подходили к Сталинграду. В этом обвинили солдат и младших офицеров, их обвинили в трусости и в том, что они врагу сдают города и сами сдаются в плен. Вместо того чтобы расстреливать или сажать в лагеря, провинившихся командиров Красной армии и солдат посылали в штрафные батальоны, где они долж-

ны были кровью искупить свою вину. Командиром штрафного батальона не назначали приказом, эту должность занимали желающие кадровые офицеры, пользовавшиеся значительными льготами. Так и наш комбат не был осужденным. И в бой он шёл вместе с нами, правда сзади наших цепей.

Много позже один из моих друзей сказал:

– Так ты всего шесть месяцев провёл в тюрьме и в штрафбате, а я десять лет сидел в лагере.

На это я ответил:

– Да, ты сидел десять лет, а я ежедневно ходил в обнимку со смертью.

Попасть на фронте в штрафной батальон – это была практически сто-процентная смерть!

Чаще всего штрафные батальоны участвовали в ночных разведках, действовали в особых условиях. Обычная атака начиналась артиллерийской подготовкой, затем бомбардировщики и штурмовики наносили удар, и лишь потом наступало время танков, под-

держиваемых пехотой. У нас всё было по-другому. В первую же ночь нам приказали пройти через минное поле и закрепиться за ним. Это было близ донского города Калач. Немногие выжили. Мне повезло: был ранен в первые же минуты, но, к счастью, меня подобрали санитары.

Накануне я предчувствовал, что буду ранен, и когда это произошло, уже теряя сознание, подумал, что не умру. Чем можно объяснить такое? Взрывной волной меня выбрасывало из седла в придорожное кукурузное поле – и ни одной царапинки, только оглох на несколько дней... А однажды после атаки обнаружил, что полы шинели пробиты пулями и ни одна не задела меня. Чувство бережённости вспомнилось через много десятков лет, и я закончил свою «Поэму дороги» такими строками:

*В ночь, когда нас бросили в прорыв,
был я ранен, но остался жив,
чтоб сказать, хотя бы о немногом.*

*Я лежал на четырёх ветрах,
молодой безбожный вертопрах,
почему-то бережённый Богом.*

Только теперь я понимаю, почему в поэму «Начало» не вставил рассказ о втором пленении. Какое-то чутье подсказало, что этот эпизод перегрузит и без того перенасыщенное событиями повествование. Подряд два побега из плена – это уже чересчур.

Жизнь – неправдоподобна, но искусство требует правдоподобия. У Твардовского в «Теркине» есть тоже неправдоподобный эпизод в главе «Переправа». Попробуй не подохнуть в ледяной воде!

А разве можно поверить в историю о старшине? Фамилия его, кажется, была Мошнин. Здоровенный такой детина, из моряков Волжской флотилии, приписанный нашей дивизии. Не история – анекдот. Ночью старшина и несколько бойцов тащили от полевой кухни ведра с супом и пшённой кашей да заблудились в темноте, забрели в

расположение противника и наткнулись на пулеметное гнездо. Мошнин с перепугу оглушил немецкого пулемётчика ведром с кашей, а второго ребята слегка придушили и приволокли двух «языков» к нашим окопам. Вместо ужина.

Свое «преступление» я смыл кровью.

После госпиталя мне вернули звание лейтенанта, но награды так и не вернули. Ну и бог с ними! Ведь у меня появился огромный шанс выжить!

Я попал уже в обычную часть, в стрелковый полк, прямоком на Сталинградский фронт. 62-я и 64-я армии. Сталинград был разрушен – весь в руинах: «курганы битых кирпичей, могильники пустых печей».

Недавно я видел американский фильм об этой битве. То, что там показано, полная ерунда по сравнению с тем, что было на самом деле. Сталинград был мёртвым городом: не осталось ни одного целого здания, лишь обугленные руины напоминали о жилых кварталах, магазинах, театрах. Создавалось

впечатление, что в этом аду не смог выжить ни один человек. Однако, когда немцев окружили и выбили из города, из каких-то подвалов, укрытий, землянок стали появляться закутанные в тряпье люди, иногда – целые семьи. Они жили там, скрываясь месяцами. Как они выжили? Я этого никогда не мог понять.

Тяжело было писать о днях обороны Сталинграда.

Бой, особенно ближний, тем более рукопашный бой, не поддаётся связному словесному выражению. В бою мы находимся скорее в бессознательном состоянии. Как бы в отключке. Память не фиксирует деталей. Об этом я пытался написать в одном из стихотворений:

*Когда вперёд рванули танки,
кроша пространство, как стекло,
а в орудийной перебранке
под снегом землю затрясло,*

*когда в бреду, или, вернее,
перегорев душой дотла,
на белом, чёрных строк чернее,
пехота встала и пошла,*

*нещадно матерясь и воя,
под взрыв, под пулю, под картечь,
кто думал, что над полем боя
незримый ангел вскинул меч?*

*Но всякий раз – не наяву ли? –
сквозь сон, который год подряд
снега белеют, свищут пули,
а в небе ангелы летят.*

Во время большого наступления в декабре 1942 года я был тяжело ранен в грудь и позвоночник. Девять месяцев провалялся в тыловом госпитале, в уральском городе Златоуст. Удивлялся тишине, трамваям, медсёстрам... но рвался на фронт. Мне было двадцать с небольшим.

В то время я – помощник начальника штаба полка – получил приказ возглавить батальон. Одна из рот этого

батальона была укомплектована узбеками. Слабо подготовленные бойцы, они не понимали, за кого и почему должны сражаться, да и вообще не хотели воевать. Однажды во время очень жестокого боя они бросились врассыпную, оголив фронт. Всех их скосили пулемётные очереди заградотряда, стоявшего позади наших оборонительных рубежей с целью преградить путь дезертирам и тем, кто отступал без приказа. Недаром Наполеон сказал, что сто французов стоят тысячи мамелюков...

Наша победа была неизбежна.

И все-таки наша победа – чудо.

После Сталинграда все почувствовали, что перелом наступил. Лежа на снегу, я видел, как мои бойцы вели пленных немцев. Не я был в плену, а они. А как мы ждали открытия второго фронта!

После Сталинградской битвы стала значительно ощутимей помощь союзников: тушёнка и шоколад стали для офицеров постоянными продуктами

в их пайке. Что касается оружия, то наши пистолеты-пулемёты Дегтярева и Шпагина были намного лучше американских и английских. Так что войну выиграла не американская тушёнка! Мы могли обойтись и нашим пшённым концентратом! Это – наша Победа, за которую сполна заплачено нашей кровью.

Думаю, что всего один раз союзники действительно оказали большое влияние на ход войны. Это произошло раньше, в декабре 1941 года, когда они заявили, что если Германия будет использовать ядовитые газы, то и они применят против неё химическое оружие. Если бы немцы осмелились использовать свой зарин, табун или фосген на нашем фронте, они достигли бы Урала за две недели. На мой взгляд, союзники открыли «второй фронт», чтобы не позволить большевикам захватить Европу. Они уже тогда боялись нас, нашего «варварского и азиатского» народа. Справедливости ради надо заметить, что отчасти мы заслуживаем

такое определение. Как раньше говорили: «Где Иван прошёл, трава не растёт».

Это надо пережить, чтобы понять. Представьте себе, что чувствовали эти солдаты, которые освободили Россию, Украину, Белоруссию, которые увидели столько уничтоженных городов и сожжённых деревень, расстрелянных стариков, детей и растерзанных женщин. Эти солдаты, многие из которых потеряли свои семьи, не могли испытывать жалость к врагу.

С годами память притупляется, подробности стираются, но война остаётся в сознании как нескончаемый многолетний поток таких испытаний, какие можно вынести только в молодости. Мы тогда почти не болели, не было даже банальной простуды или поноса, а ведь ели что придется, пили болотную воду, спали под открытым небом, часто на снегу или в снегу. Приходилось, как я писал, «нырять в снеговую постель» или пить «для сугреву» из флакона тройной одеколон,

добытый на бесхозном аптечном складе, а в сильную жару, когда капли воды не найти, с радостью раскалывали кулаком арбуз на заброшенной бахче, или, скатываясь в придорожный кювет, с любопытством молодости смотрели, как из брюха пикирующего «юнкерса» вываливаются бомбы и рвутся, переворачивая телеги обоза.

Когда после побега из плена и выхода из окружения я угодил в обработку Особого отдела, мне стало понятным, в мои-то двадцать лет, как пагубно и преступно сталинское недоверие к тем, кто возвращался домой из вражеского тыла. Это были самые верные и закалённые войной люди, а их объявляли предателями. Какими кадрами жертвовал Верховный главнокомандующий!

Я думаю, что XX век был веком Антихриста, безжалостным временем. Почему у России столь трагическая судьба? Почему произошла революция 1917 года? Почему возник сталинский режим?

Я боюсь, что и сейчас мы на пути к Апокалипсису, в ожидании Армагеддона.

Что ещё сказать?

Вспоминать войну непереносимо: слишком много высокого и низкого пришлось увидеть. Вся моя остальная жизнь накладывалась на пережитую войну. Вся!

Господь меня уберёт.

Может, для того, чтобы я написал свою Книгу жизни.

Александр Ревич

Алик в матроске, 25 декабря 1923 года

Алик с мамой Верой Рафаиловной

Курсанты (А.Ревич – первый слева),
1 июля 1941 года

Курсант Александр Ревич

Курсант Александр Ревич

Зима 1945-го

В День Победы

стихи

На Тимучине я жил, у Арбата,
на Арбате жил Тимукти когда-то,
жил подым Белый Андрей, а потом
Винокуров Евгений с Ткачковым
Николас, ~~партизан~~ ^{партизан} русолюбим,
на Арбате намыли себе войс

Там и жила в прибежище землеман,
как скворцы по дощатым скворечням,
как и долго помыли, по помы,
где Евгений слышал с Николасом,
~~красодом судья~~ ~~не давал~~ ~~ни~~, не смирив
ни ~~ка~~, ни дора — ~~мать~~ ^{мать} закурив.

Ни в Тарханах, ни в Бадичевках рас
не тилили ни даже сагаи,
но и здесь без оков и узды,
Зимней по волею околоти,
~~поздравил~~ ~~триканов~~ ~~в охоту~~
как птиц, как скворцов, как броды.

и надолго тинкату

Девочка

Ломятся кусты через ограду,
сосны подпирают облака.
Девочка моя бежит по саду,
по густой траве материка.
Расплясались ветки до упаду
над сырым утоптанном песком.
Девочка моя бежит по саду,
по песку планеты босиком.
Кот на солнцепёке полосатый
щурится, как сонный печенег.
Девочка моя бежит по саду,
косолапый чудо-человек.

До сих пор я слышу посвист пули,
под ногой ещё скрипит зола.
Я остался жив не потому ли,
чтобы ты, хорошая, жила?
Холостой, бездетный, безбородый,
сбитыми подковами сапог
я топтал чужие огороды,
чтобы кто-то их возделать мог.

По чужим полям перебегая,
пуле-дуре кланяясь в бою,

я ещё не знал, что жизнь другая
на земле продолжит жизнь мою.
Лёгкий дым сырого самосада,
тлеющих стропил тяжёлый дым...
Девочка моя бежит по саду,
сквозь кусты, по зарослям густым.
И стоят на страже стрелы сосен,
птичий посвист, зелень, тишина.
След лопаты — шрамом на откосе,
глина кое-где обнажена.

1958

* * *

Я ещё никого не убил,
Просто жил я тогда, просто был,
И текла река – белое олово –
Вдоль откоса песчаного голого.
Первый взрыв был, за спиной был
первый тыл,
Клён с расщепом, с первой раной
пулевой,
В первый раз я слышал свист
над головой,
Давний сон мой – посвист пули,
а потом –
Друг, примявший песок животом.

1959

Поединок

Тебя пригнали.
Меня не гнали.
Я дома был. Ты в чужом дому.
Мы с тобою встретились
среди развалин,
и врагами были мы потому.
В наступленье ты был.
Я был в обороне.
Я себя не щадил. Тебя ли жалеть?
Разве мог я за Волгу уплыть на пароме?
Разве мог на твоём пути не залечь?
На горящем вокзале,
на закрытом перроне
кровь запеклась —
и об этом
речь.
Речь об этом велась.
Речь об этом ведётся,
как тогда, —
до победного, значит, конца.
Встретились мы — не два полководца,
не два дипломата —
два автомата.
Двадцатилетних два огольца.

Но о нашей встрече писалось
в сводках,
затаили дыхание материки.
Ты вскинул оружие.
Так, значит, вот как!..
И, видно, щёлкнули разом курки.
Я остался в живых.

Говорят: повезло мне.
Ты уткнулся, похолодев добела,
в опалённые камни каменоломни,
которая городом прежде была.

1959

Ода бессмертному городу

Переименованный дважды,
прославленный дважды город,
построенный дважды город,
всё равно он мой навсегда,
потому что здесь я узнал,
что такое голод,
что такое осколок,
что такое жажда,
ливни и холода.

Переименованный дважды –
всё равно он мой навсегда.

Ведь здесь я цеплялся

за камень каждый,

за каждый куст,
за обрыв овражный,
за последний клочок земли.

Дальше была вода.

Бездонная,

студёная

шириной в километр Волга.

За Волгой была земля –

только не для меня,

и я цеплялся за этот обугленный берег,

как за соломинку,

как за хвост коня,
потому что пехоте
не только бывать в походе,
не только топать пешком,
но держаться за землю
руками,
ногами,
зубами,
срастись с её чернозёмом,
суглинком,
песком,
передвигаться ползком,
но держаться за землю,
как паралитик – за память,
как за жизнь – умирающий,
в землю зарыться,
с головою землёй укрыться
и, как говорится,
насмерть стоять.

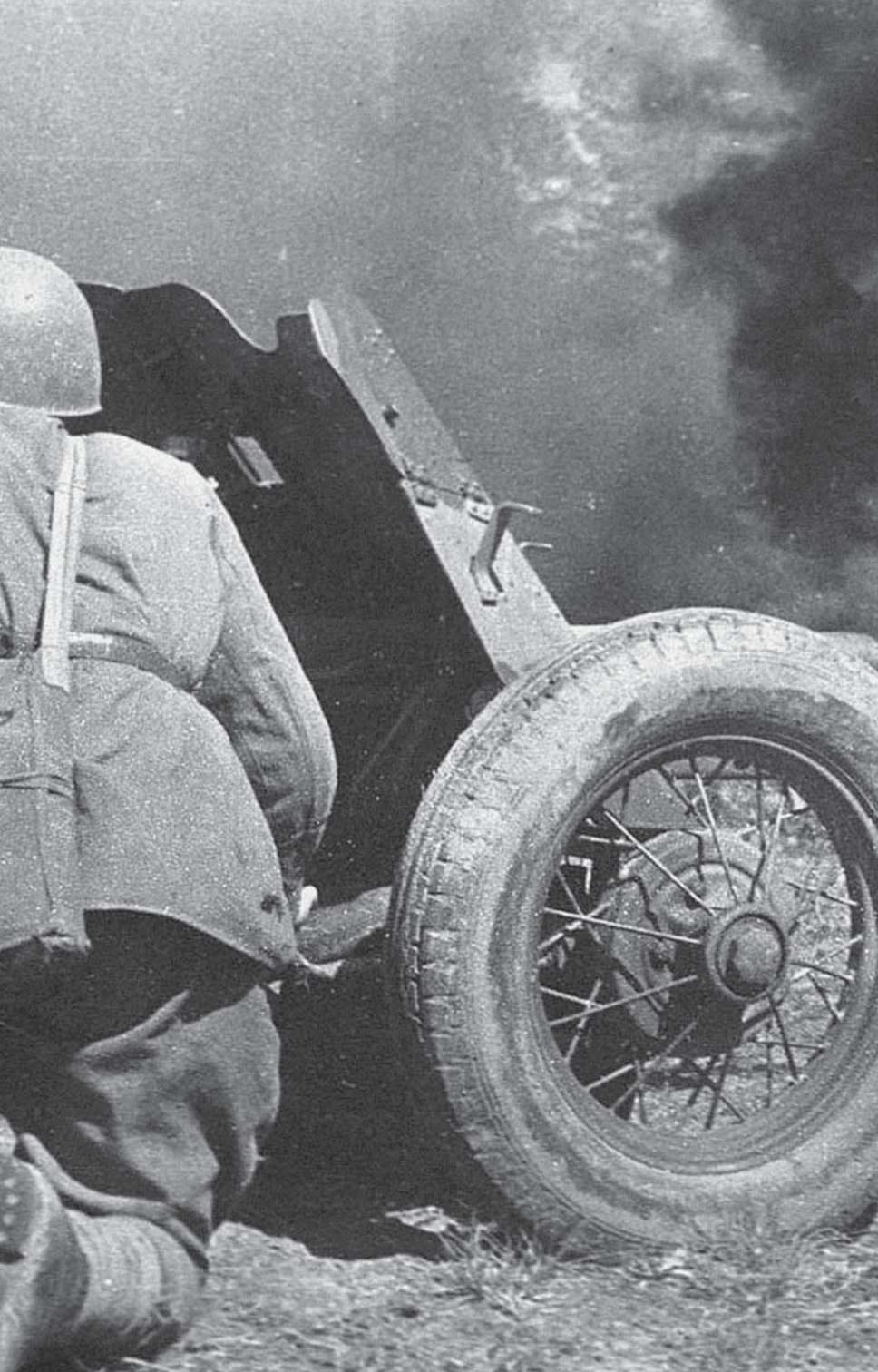
Были мы девятнадцатилетними,
были мы уже боролатыми,
не последними
были солдатами.
Мы держались за эту землю зубами,
вкус её остался у нас на зубах,

мы держались за эти голые стены,
за эти заснеженные подвалы,
за эти скованные морозом
речные воды,
за это небо...

Мы не сдали ни земли,
ни небес,
ни развалин...

Этот город мой навсегда,
как бы его ни назвали.

1959

1941
(Складень)

1. Песня

Вы, милые ребята,
поёте про войну.
Весёлая работа
под гитарную струну.
Весёлая работа.
Гриф да колок.
В проулке у Арбата
дым под потолок.
Дым под потолок,
коньяка глоток.
«Летят по небу самолёты-
бомбовозы...» Эх, беда!
Поёте вы, поёте
о том, что никогда
не виделось, не снилось,
а – просто так.
Жуём какой-то силос,
смолим табак.
Хорошие ребята,
поёте про войну,
поёте про войну,

и сам я подтяну.
Война – такое дело...
Лихая беда...
Струна отзвенела,
а память – навсегда.

2. Сны

Меня ты держишь, женщина,
обеими руками,
во сне меня сжимаешь
обеими руками,
ко мне ты прижимаешься
то с плачем, то со стоном
всем существом горячим,
всем телом обнажённым.
О сны, о даль далёкая! —
откуда путь мы начали —
с железной дорогою,
с вагонами телячьими,
со стонами, с плачами,
с шёпотом прощальным,
с терпением молчальным,
с шинелями колючими,
с исколотыми щеками,
с озябшими руками.

Была другая женщина,
печально рот сжимала,
и та, другая, женщина
меня не обнимала,
стояла, мёрзла около,

зимы не замечала,
не ахала, не охала,
не плакала —
молчала.

Она стояла, помнится,
стояла, не рыдая,
не любя, не любовница,
всего лишь мать родная.

Не плачь во сне, хорошая,
не верь ночному бреду,
проснись, моя хорошая,
я никуда не еду.
Но снятся сны неясные,
их не переупрямить,
нам снятся сны ненастные —
предчувствие иль память.

3. Дожди

Помнится, лил дождь,
такой же – точь-в-точь.
Зябкий осенний дождь,
медлителен, бесконечен.
...Липли к рубашам плечи.
И ни подъезда,
ни – даже – зонта.
Голая высота,
гиблое место.
Хочешь остаться цел –
не подымай головы.
Пар – от продрогших тел,
прель – от мокрой травы.
Не подымай головы!
Дождик сечёт ковыли.
Пули секут ковыли.

Сколько сирот и вдов!
Сколько сдано городов!
Я потерял им счёт.
Сколько пришлось их брать!

Опять
дождь тротуары сечёт.

Чёрные реют зонты
крыльями нетопыриными.
Мокрый неон над витринами.
Кинотеатры открыли,
и все подъезды открыли
двери гостеприимные.
И никакой высоты,
изборождённой окопами.
Капли холодные капаят.

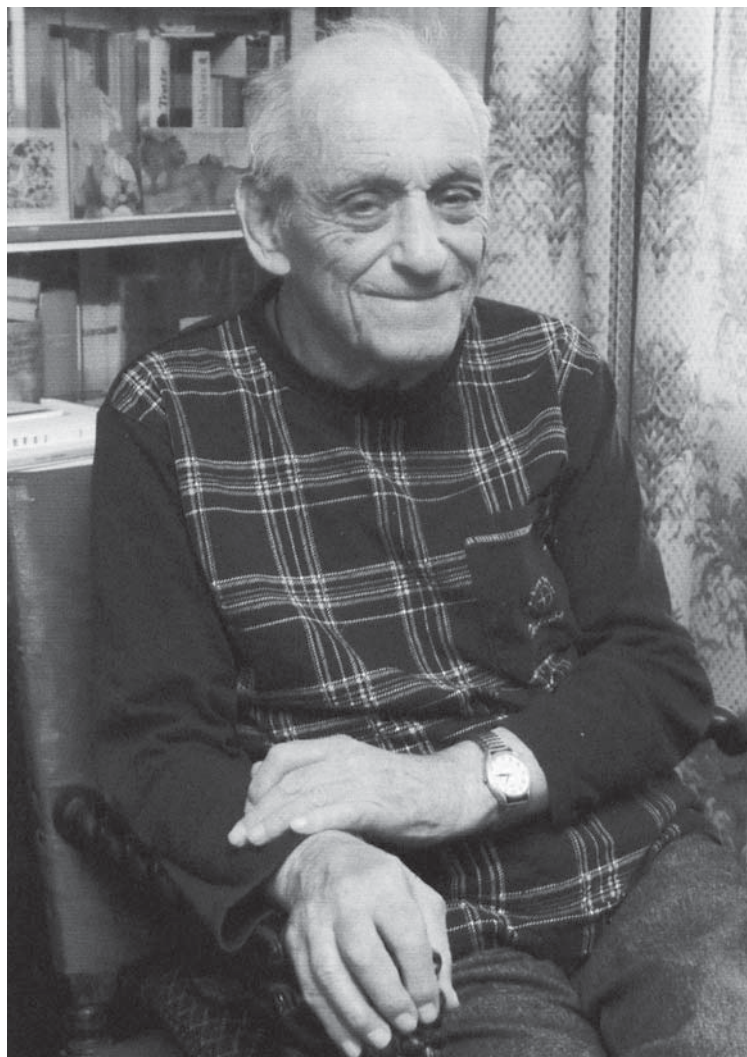
Давно это было, давно.
А мы не ходили в кино,
а мы коченели подчас,
а мы не плясали под джаз.

Даже военная медь
в громе должна онеметь.

Зычного рёва фанфар
я не слышал на войне.

Я города сдавал.
И братъ приходилось мне.

1960

Александр Михайлович Ревич

Страна Девятнадцати Лет

*Ну при чём здесь война?
Просто пёстрое лето,
Страна Девятнадцати Лет.*

Было — и нет.

Александр Ревич

У Александра Ревича была своя война и своя правда об этой войне. Смертельная схватка завязалась не только с внешним врагом — с мировым фашизмом, затоптавшим Европу и дошедшим до Сталинграда. Ему, почти мальчишке, лихому огольцу, выпала страшная участь: с первых же дней войны сражаться не только с внешним врагом, но и с врагом внутренним — *со своими*, с жестокой машиной власти, не прощавшей плена и не считавшей побег за отвагу, за доказательство любви и верности родине... Власть расценивала это сурово: предательство, измена, позор. А за такое — расстрел. Однако Ревичу выпал единственный шанс — штрафбат.

*Может все часы на свете стали
вслед за приговором в трибунале:
сдался в плен и сдал своих солдат...
к высшей мере!...заменить!.. штрафбат!*

И он выжил. Спасся!

Но почти не говорил о войне... Даже близкие узнали о плене через несколько лет. Видимо, не чувствовал себя ни свободным, ни победителем. Молчал, будто смотрел сквозь время и события своими когда-то синими, но выжженными почти до белизны глазами стрелка, и, не мигая, кивал или... нападал с таким кавалерийским наскоком, что заставлял немедленно ретироваться, а то и спасаться бегством. Характера и темперамента Ревичу было не занимать...

И лишь однажды, накануне 60-летия Победы, когда после поэтического вечера в ЦДЛ, посвящённого поэтам-фронтовикам, мы вчетвером при свече сидели на его пятиметровой кухоньке, расслабившись после нескольких рюмок водки, этот «пленник эпо-

хи» вдруг заговорил... и рассказал свою правду о войне, плене, побеге, штрафбате, Сталинграде, Златоусте...

– Почему столько лет молчал?

– А стыдно было...

И прочитал:

*Я обрастаю памятью бессонной,
она-то и возносит в высоту
над этою землёю обожженной,
над прошлым — над моей запретной зоной.
Я засыпаю — память на посту.*

Кавалерист, окруженец, штрафбатовец, беспартийный лейтенант, он знал смерть в лицо: свою собственную смерть и смерть мира. Он не хотел да и не мог писать о войне – мешали не только осколки, застрявшие в легких и позвоночнике, сильнее обжигали боль и стыд.

Многие поэты его поколения, почти ровесники, которых называли «поэты-фронтовики» – Константин Симонов, Михаил Исаковский, Константин Ваншенкин, Сергей

Наровчатов, Александр Межиров, Евгений Винокуров и многие другие, – уже в военные годы стали известны. Их фронтовая лирика: стихи, песни и баллады – были популярны и любимы, и поддерживали боевой дух не только на фронте, но и в тылу, где взрослые и дети знали наизусть «Жди меня», «Помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», где пели «До свиданья, города и хаты», «Катюшу», «Дан приказ ему на запад», «Землянку» и многие другие песни, которые до сих пор не забыты – их знают и поют дети и внуки отвоевавшихся отцов и дедов.

Уже в первые послевоенные годы один за другим выходили сборники стихов поэтов-фронтовиков, чьи имена знала страна. Александр Ревич с большим уважением и симпатией относился к поэтам-фронтовикам (хотя себя к ним не относил) и лучшим поэтом поколения считал Александра Межирова с его болевыми, пронзительными стихами «Артиллерия бьёт по своим», «Я лежу в пристрелян-

ном кювете» и другими. Много позже Ревич, сокрушаясь о его трагической судьбе, признается: «Межирова жалко мне, поэта, / он в Нью-Йорке так хотел в Москву»...

Очень сочувствовал Ревич презируемому всеми Владимиру Луговскому. Не побоялся прийти в гости к своему учителю Павлу Антокольскому – одному из «безродных космополитов» – в самый разгар травли. Приятельствовал с Евгением Винокуровым и с Константином Ваншенкиным, чьи книги фронтовой поэзии уже лежали на прилавках книжных магазинов.

Но у Ревича, как у его друзей – Арсения Тарковского и Аркадия Штейнберга, – как и у Бориса Слуцкого, всё складывалось иначе. Для Тарковского война окончилась в 1943 году, когда ему ампутировали ногу. В 1946 году была уничтожена верстка первой книги, и в результате – первый сборник «Перед снегом» появился, когда ему было 55, лишь в 1962 году. Стихи Бориса Слуцкого, после ранения перенёсшего

трепанацию черепа и написавшего в годы войны только одно стихотворение «В Кёльнской яме», тоже издавать не спешили. Первая книга Слуцкого «Память» увидела свет в 1957 году – через двенадцать лет после Победы.

Вот и Ревич вышел к читателю с большим опозданием. Десятилетиями он считался переводчиком, соединяя собой берега отечественной и европейской литературы, продолжая давнюю, еще с петровской поры, традицию живого интереса и духовной тяги России к Западу. В эпоху «железного занавеса» словами и интонациями Ревича заговорили французы, поляки, итальянцы, греки, болгары и – главное! – великий поэт, бунтарь и нестигаемый воин, бессмертный Агриппа! Вот под кого себя чистил Ревич, вот на кого замахнулся... И не промахнулся, надолго оставаясь «непечатающимся поэтом», известным в узких кругах.

Неожиданно для всех Александр Михайлович рассказал о *своей* войне в удивительно разнообразной по поэ-

тике, по виртуозной технике, по новаторским приёмам (прямо-таки сегодняшняя поэзия-doc.) поэме «Начало», которую писал с 1946 года:

*Я не хотел о войне,
я совсем не хотел о войне,
я хотел о весне...*

... ..

*Я не хотел о войне.
Это потом – ползком по стерне,
это потом – в сапогах без подошв,
это потом – упадёшь,
а посчастливится – дальше пойдёшь...*

Первые опубликованные стихи о войне помечены концом 1950-х годов, и в них:

*Я ещё никого не убил,
Просто жил я тогда, просто был...*

Лишь в 1970 году вышла первая книга стихов Александра Ревича «След огня». Но в то время уже торжествовала и шумела на переполненных стадио-

нах, в Политехническом да и по всему СССР «эстрадная поэзия». «Тихая» лирика была в загоне.

Война – точка кипения многих миллионов ровесников и соратников Александра Ревича, пережившего этот кошмар, чтобы честно о нем написать. Особенно требовал, чтобы честно...Без фанфар, без барабанного боя или фальшивой слезы. Это был не только этический, но и художественный принцип. Многим своим ученикам Ревич успел сделать эту прививку. Он утверждал, что это «по-пушкински», если равняться на золотой век, а Серебряный век он не любил (кроме Ходасевича) и не сочувствовал жестоким страстям и драмам декаданса, не вникал в подробности, хотя внутреннее родство с Александром Блоком, которого почитал за гения, хранил в себе и своей поэзии свято, уверовав в неслучайное совпадение – он родился в год смерти Блока.

В лирике Ревича много войны, но больше всего о ней – в поэмах. Как чадолюбивый родитель, он не уставал

производить их на свет, считая главными в своем творчестве.

С известным упрямством поэт утверждал, что все его поэмы насквозь лирические, хотя высокочтимый мэтр Илья Сельвинский выразился о поэме «Начало» вполне определённо: «Поэма Ревича — не лирическая, но, будучи эпической, она полна такого воспалённого лиризма, как дай бог всякому».

Ревич нередко цитировал слова Сельвинского, но так уцепился за этот «воспалённый лиризм», что об эпическом не слышал и слышать уже не желал, негодовал и злился, когда его уличали в эпических корнях или в эпической основе, а кое-где и — в романтической (он терпеть не мог романтизма). С неохотой соглашался на компромисс о некоем «выбросе эпической энергии». Не больше.

Ревич категорически отрицал также и наличие сюжета в поэмах, употребляя такие расплывчатые термины, как «лирические новеллы», «мотивы», «темы» и прочее.

— «Разве может быть сюжет у жизни?! Давайте говорить о мотивах», — однозначно предлагал он.

Маленькие поэмы Александра Ревича (в среднем 140 строк) — наследницы классических поэм Блока, Сельвинского, забытого Шенгели, и, возможно, они же — предтечи «длинных» стихотворений Бродского. В поэмах нет лирического героя — автор пишет всегда о себе, накрепко усвоив уроки истории, которые преподавала ему Страна.

Лишь при беглом взгляде поэмы — традиционны. При прочтении возникает ассоциация с симфонией: мощное оркестровое звучание лейтмотива, развитые побочные темы и вариации. Речь идет о симфонизме как о большом стиле, без которого невозможна музыка поэм и венков сонетов.

Один из главных мотивов — кошмар войны, о котором не в силах забыть солдат штрафбата, вернувшийся со Второй мировой...

*Всё это было когда-то
и остаётся вовек:
чёрные строки иштрафбата
в белый впечатаны снег.*

Все «военные» поэмы — трассир
сквозь время. Не соблюдая хронологии
реальных событий, поэмы возникали
по внутреннему, совсем нелинейному
времени, по которому пройден
(и не раз) весь героический и адский
путь войны.

*Должно же это всё забыться.
Он спит, он, может быть, простится,
чтоб ни решётки, ни конвой
не вспоминать, ни эти лица.
Вагон бежит. А там граница,
увы, меж миром и войной.
Когда-то было, снова снится:
поля, поля, июньский зной,
столбы, волнистая пшеница,
и мир, и путь к передовой.*

Часто это поэмы-видения, поэмы-сны, где можно увидеть со стороны не

только себя, но и свою судьбу во всех временных переплетениях, скрытых при свете суетного дня. Сон – мощный импульс, мистический ключ, перевоплощенная явь, дающая начало многим стихам и поэмам. Даже из самих названий стихов или из первых строчек очевидно, сколько родилось и вышло из снов! Но сон – это не только многообещающее начало.

*Жизнь завершается наша
зимней атакой во сне.
Выпита полная чаша,
самая малость на дне.*

Вот оно — «всеведение, всевидение поэта».

Ни переводы, принесшие ему славу одного из лучших переводчиков европейской поэзии (отмеченного в 1998 году Государственной премией, третьей в истории русского художественного перевода после С. Маршака и М. Лозинского), ни собственные стихотворения не дарили поэту столько

вдохновенной радости. Наверное, поэма — наиболее адекватная форма выражения жизнеобразующих процессов его внутреннего мира, результат работы души в масштабе авторской личности, что идёт как противотечение на общем фоне минимализма и клипового сознания в современном искусстве.

Близкий Ревичу писатель Михаил Письменный так оценивал его военную лирику: «До Ревича мы видели в войне только победу — Ревич заговорил о поражении не от внешнего врага, но от врага глубоко внутреннего, который до сего дня остался не побеждён. Но... герой Ревича находит в себе силы существовать, он учит нас на собственном примере, как выживать, не сволочая и не лакействуя... Делать своё историческое дело, творя судьбу свою не по законам, предписанным мерзкими обстоятельствами, но по законам Бога. Сохранение в себе образа и подобию Божия — вот смысл девяностолетнего опыта поэта и человека. Этот

опыт сам по себе уникален и чрезвычайно ценен. Он – наше национальное достояние. Когда в моральный закон возводились слова Николая Тихонова: “гвозди б делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей”, Александр Ревич противопоставил этому огвозждению целого народа простую человеческую судьбу, которая крепче оказалась и спасительней для страны, чем гвоздизм Николая Тихонова».

Не проникнувшись идеями соцреализма, не полюбив поэзии 20-го века и творчески полемизируя с ней, Ревич шёл вроде бы незаметным, но *своим*, явленным ему (во сне?) путём, не изменяя русской поэтической традиции, без многословия и метафорических излишеств, когда у каждого слова — своё место и вес. Высока творческая планка поэта, у которого хватило духа сказать:

*Я смыслы образов и звуков множил,
так семь десятков лет на свете прожил
и только на восьмом заговорил.*

Уверена, что стихи о войне Ревич писал задолго до того, как стал публиковаться, не предъявляя их никому, не читая вслух, потому что «слова застревают в гортани». Война Ревича мучила, снилась, хотя «иные спали крепко без печали».

Наверное, за все страдания, за весь ужас пережитого судьба наградила (взамен за отнятые ордена и медали) Александра Михайловича таким ярким закатом, таким плодотворным долголетием, что сродни просветлению.

Поэт и воин, он завершал свою Книгу жизни.

Находясь в высоком возрасте – от восьмидесяти лет и до излета своего девяностолетия, Александр Ревич написал 21 поэму (всего их 33), что само по себе феноменально и достойно стать предметом исследования в литературоведении и психологии творчества.

В 2011 году – пять поэм.

В 2012 году, когда – от капельницы до капельницы – поэт жил факти-

чески в постельном режиме, написал две замечательные поэмы – «Поэму совпадений» и «Поэму о плывущих облаках», посвящённую Александру Галичу. Закончив – обычно в один-два дня – очередную поэму, Ревич чувствовал себя на высоте: Парнас покорён! И тогда он снимал телефонную трубку, звонил друзьям и читал, читал, читал часами новую поэму. Его голос тяжёлобольшого крепчал, звучный родной баритон набирал силу, и Алик (как называли его домашние и друзья) почти выздоравливал, чувствуя обратную связь и прилив энергии. И тогда же – сколько написано стихов потрясающей простоты и силы, пронизанных теплом веры молитвенных стихов!

* * *

*Что заслужено, то и случится,
в должный миг, никуда не спеша,
отлетит незаметно душа,
бесконечного мира частица,
и, однако, лучи сентября*

*мне стучатся в окно, говоря
воркотней голубей не осенней
и осиновой летней листвой:
«Он с тобою, он всё ещё твой –
мир людей, голубей и растений».*

Кроме военной лирики, в поэзии Ревича – любовная и философская лирика, стихи о поэтах и поэзии, психологические зарисовки, портреты, пейзажи и др. Всё предельно лаконично и очень ёмко, с хорошо ощущаемым подтекстом. Многое – афористично и запоминается с первого прочтения.

Именно в последние годы голос Александра Ревича был услышан и читателями, и собратьями по литературному цеху.

С каких вершин обозревал он свой «пейзаж после битвы», определяя его местоположение среди трагического разнообразия пейзажей родины – Страны Девятнадцати Лет?

Поэт Александр Михайлович Ревич жил с сознанием, что в этом прекра-

сном и безумном мире именно он –
последний воин.

*Я исчерпал страх, и дух спокоен,
бой уходит по сухой стерне,
Господи, я Твой последний воин,
хоть в последний раз, в последнем сне.*

Галина Климова

Содержание

Предисловие автора **5**

Стихи **61**

Стихи последних лет **279**

Поэмы **317**

Страна Девятнадцати Лет.
Галина Климова **461**

Литературно-художественное издание

РЕВИЧ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

А В НЕБЕ АНГЕЛЫ ЛЕТЯТ

Военные стихи и поэмы

Составитель Галина Климова

Редактор *Н.В. Комарова*

Дизайн: *А.Б. Архутик*

Компьютерная верстка *А.Н. Колганов*

Корректоры: *О.В. Круподер*

Подписано в печать с готовых диапозитивов

19.11.2013

Формат 84х108/32. Гарнитура «GaramondC»

Печ. л. 15 . Тираж 1000 экз.

Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru